

ностей. Так что ученицей десятилетки я стала в эвакуации в Ташкенте, а закончила ее с красным дипломом уже в Ленинграде в 1949 году.

А. Л. *Какими были Ваши впечатления от школы?*

А. К. Все усердно занимались фортепиано. Тот, кто хотел стать великим пианистом, занимался по шесть часов в день, я занималась по два часа. Помню, что некоторое время мальчики и девочки учились отдельно. Вообще учеба давалась легко, и училась я только на отлично.

А. Л. *Кого из преподавателей Вы считаете своими главными учителями?*

А. К. Самым лучшим был, конечно, класс Ольги Калантаровны Калантаровой — туда все стремились попасть, чтобы стать выдающимися пианистами. Другим сильным классом был класс И. М. Рензина. У Исая Михайловича я и занималась. Он был великим педагогом. Помню его ассистентку Г. И. Мучар, про которую даже ходили шуточные стихи:

*Генриетточка Мучар
Лишена волшебных чар,
И от яблоньки своей
Не упасть далеко ей.*

А яблонька — это как раз был профессор Рензин.

А. Л. *А помните ли Вы кого-нибудь из школьных друзей?*

А. К. Была такая Нора Цуккерман, помню еще Арика Аронова, который потом уехал за границу. В те же годы учился сын Рензина, с которым мы были в одном классе.

А. Л. *Вы были примерной ученицей или могли позволить себе какие-нибудь шалости?*

А. К. Ну что Вы, тогда вообще никто не хулиганил, все были такие положительные... Какие шалости? Тут война была, фашисты. Не помню никаких проделок. Все были смирные и довольно-таки запуганные.

Беседовала А. А. Логунова

Муза RAYKH There's nothing better than a school

Муза РАЙХ Лучше школы ничего быть не может

Я начала заниматься музыкой в пять лет, и первой моей учительницей была Мария Бегляровна, мама Татьяны Александровны Саатчян, которая преподавала

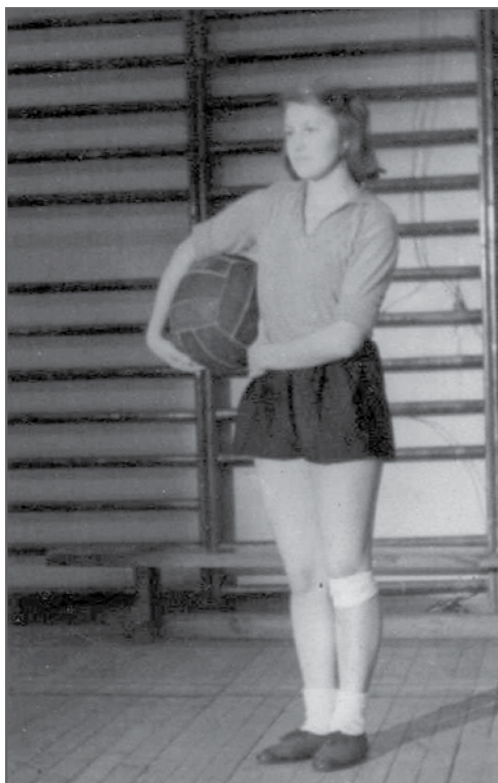
The article presents the school memories of Muza Raykh, the unchallenged librarian of the Book Department at Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Keywords: M. M. Raykh, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, Yu. A. Mirsky, B. V. Fishman, N. G. Venetsianova.

О годах обучения в школе-десятилетке вспоминает бессменный библиотекарь книжного отдела школы Муза Михайловна Райх.

Ключевые слова: М. М. Райх, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, Ю. А. Мирский, Б. В. Фишман, Н. Г. Венецианова.

впоследствии в десятилетке. В первый класс я поступила в Петроградскую музыкальную школу — это особняк Витте на Кировском проспекте (ныне Каменноостров-

М. Райх в спортивном зале школы

ском), в самом его начале, по правой стороне. Там я училась у Татьяны Михайловны Евдокимовой, и в военные годы мы с мамой ходили к ней на уроки — иногда в крошечной темноте.

Десятилетка приехала из Ташкента в 1944 году и приема не объявляла, а в 1945 прием был открыт. Я поступила на фортепиано, хотя меня еще прочили на виолончель, так как у меня оказался длинный четвертый палец. Поступила в пятый класс, окончила в 19 лет: раньше в школу шли с восьми лет, еще год пропал в войну, но тогда это было делом повсеместным. Моими педагогами по специальности были Иосиф Захарович Шварц и Лия Ильинична Зелихман, а оканчивала я у Александры Яковлевны Жуковской. Имея выпускную четверку по специальности и неабсолютный слух, я решила в Консерваторию не поступать, а пошла в Библиотечный институт имени Н. К. Крупской. В итоге и в нем пришлось проучиться дольше обычного: во время учебы я устроилась работать в Библиотеку Академии Наук на инвентаризацию, а работать студентам-дневникам было запрещено, поэтому меня отчислили. Только через год, после обращения в Москву в вышестоящие инстанции, меня восстановили на вечернем отделении. Я окон-

чила факультет библиотековедения, а в итоге работаю всю жизнь в детской библиотеке. Когда я еще училась в институте, то постоянно прибегала в десятилетку — все здесь было родное и дорогое. Еще в десятом классе школы началось мое пребывание в школьной библиотеке. В книжном отделе тогда работала Елизавета Петровна Николаева, а в нотном — Елизавета Ивановна. Но вот Елизавета Петровна уехала с семьей в военный городок в Германию, и на ее место пришла Анна Степановна Комарова, ранее бывшая моей руководительницей на работе в БАН. У нас была договоренность, что когда я окончу институт, то приду на это место. И вот скоро будет шестьдесят лет, как я здесь работаю. Дочь Анны Степановны — Елена Комарова — потом тоже училась в десятилетке, благополучно окончила и школу, и Консерваторию по классу скрипки.

Учителя у нас были замечательные. Первым вспоминается, как бы это ни казалось странным, физик Юлий Аронович Мирский. Он называл всех учеников на «вы», разрешал ученику, стоящему у доски, взять учебник и посмотреть, так как считал, что если ты учил, то обязательно вспомнишь. Но кстати, то, что у нас была облегченная программа по сравнению с другими школами, скажем, по физике (и поэтому в мое время выпускникам десятилетки не выдавали аттестата зрелости), нам не мешало, так как мы больше уделяли внимания остальным предметам. Вот педагог по географии, Борис Владимирович Фишман, у которого были свои присказки, например: «Я тебе ставлю пять — два в журнале и три в уме». Я до сих пор помню наизусть все крупные притоки Волги: Тверца, Молога, Шексна, Кострома, Унга, Ветлуга, Кама, Самара. А многие сейчас могут назвать только Каму и Оку. Историю преподавала Нина Георгиевна Венецианова. Тогда проходили историю партии, и она дала нам шпаргалку, по которой можно было легко запомнить даты всех съездов КПСС, совершая математические действия с номером съезда. Это сейчас есть интернет, а мы все учили наизусть.

В школе было много детей из Средней Азии, особенно из Узбекистана, так как во время войны школа находилась в эвакуации в Ташкенте. На все лето интернат школы выезжал отдыхать в Отрадное, к озеру Пюхьяярви, или в Лосево. Туда брали и домашних, то есть тех, кто не жил в интернате. Старшие дети сами готовили, причем на улице, в двух больших котлах. Помню такой случай: шел проливной дождь, но мы, дежурные, ухитрились даже в таких условиях сварить компот и перелить его в другую емкость, а потом еще приготовить и первое, и второе блюдо. С первой же летней поездки после пятого класса я начала учиться играть в волейбол, а в десятом классе выступала уже за Консерваторию в команде, капитаном которой была Таня Гранквист (Татьяна Владимировна, будущий концертмейстер и преподаватель Консерватории и школы). В ней также играли Елена Матусовская, Людмила Иванова и другие. Физкультуру вел Соломон Исаакович Забагрицкий. В те годы устраивались соревнования вузов искусств: Театральной академии, Академии художеств, Консерватории и Института киноинженеров — всего четыре вуза из Ленинграда; также приезжали команды отовсюду — из Вильнюса, из Таллина, из Риги, из Киева... За Консерваторию играл, например, певец Николай Гяуров, да и многие другие.

В школе, на третьем этаже, где ныне находится класс фортепиано Любови Львовны Рудовой, была пионерская комната — по сути, комната досуга. С пятого класса начиналась вторая смена, и уроки шли с трех до восьми часов, но мы приходили в школу примерно к часу и играли там в домино и всякие игры. Старшая пионервожатая Лия Могилевская — впоследствии известный концертмейстер (не так дав-

В книжном отделе библиотеки школы.
Справа М. М. Райх (стоит)
и О. В. Полянская; слева Р. И. Середа

но она написала книгу воспоминаний «За кулисами оперы») — проводила очень интересные капустники в Консерватории. Литературу в школе вела Нелли Наумовна Наумова, но, к сожалению, именно в нашем классе она не преподавала, а вела уроки у класса на год старше (где была руководителем). В этом классе учились очень интересные и в будущем известные люди — Эмиль Пасынков, ставший потом главным режиссером Михайловского театра, Виктор Панфилов, альтист Алексей Людевиг. Нелли Наумовна организовывала разные интересные игры — и я к ним сразу прилепилась душой. Например, такая игра: все сидят в кружок, и Нелли Наумовна задает фразу — «один оригинальный официоз». Все должны по очереди повторить. Затем повторяет первую фразу и добавляет «два добрых диких дикобраза». Все снова повторяют, кто ошибается — вылетает. Далее — «три трепетных тщеславных тарантула», «четыре черных чародея чесали черствый череп чудака» и так далее, вплоть до «восемь волооких воробьев, весело воркуя, варили вечером вишневое варенье» и «девять дюжих дурней доили деревянного дракона, дружно помогая: добрый дядя, дай дыню!». Или игра «даю прямо, передаю наискось» — и многие другие...

Со мной в классе учились знаменитые впоследствии музыканты, например, скрипачи Гаррик Синявский и Дина Шнейдерман; несколько человек уехало потом за границу. Трое позднее преподавали в Консерватории: Александр Васильев (для меня — Шурик), один из трех братьев Васильевых, скрипачка Лидия Никифорова

и пианистка Елена Серкова. В моем классе также училась Елизавета Гольдштейн-Зарецкая, уехавшая потом в Америку. С ней связан один случай. Тогда на экран только вышел фильм «Девушка моей мечты», а нас, детей, на вечерние сеансы не пускали. И вот Лиза надела мамину шляпу и туфли на высоком каблуке и прошла на сеанс, а на следующий день играла нам все песни из этого фильма.

Все мы очень часто ходили в Филармонию — сначала на абонементы, затем просто на концерты, поскольку абонементы не так интересны. Впоследствии распространительница билетов из Филармонии говорила мне: «Мне к вам в школу неинтересно ходить. У вас скрипачи ходят только на скрипачей, а пианисты — на пианистов». А в наше время было не так. Например, мы, пианисты, могли ночами стоять за билетами на Стерна, ходили слушать Марголина в «Поэме экстаза». Билетов, конечно, иногда не было, но мы все равно находили способы пройти через контроль и попасть на интересный концерт.

Многое вспоминается, и могу точно сказать, что лучше школы ничего для меня не было. Я не могу это объяснить, но есть такое явление, как школьный дух. Даже педагоги, которые «не наши», то есть пришли к нам недавно, отличаются от «наших», закончивших когда-то школу. Они хорошие, замечательные, но — другие. А лучше нашей школы для ее выпускников ничего быть не может.

Записала Д. А. Варуль